

САНДРА
БРАУН

ПАРК
СОБЛАЗНОВ

Сандра Браун
Парк соблазнов

1983

Браун С.

Парк соблазнов / С. Браун — 1983

Тайлер Скотт был для Хейли боссом, обольстителем, отцом ее маленькой подружки, но девушка и на мгновение не могла поверить, что однажды, наперекор всем ее страхам и сомнениям, он станет для нее единственным мужчиной – ее мукой и счастьем. Книга написана под псевдонимом Эрин Сент-Клер.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	21
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Сандра Браун

Парк соблазнов

Глава 1

– Мисс Эштон, – произнесла Хейли, нажав светившуюся на панели интеркома кнопку.

– Это Доусон. – По тому шипению и потрескиванию, которые вырывались из динамика интеркома, Хейли Эштон догадалась, что охранник связался с ней по рации. – Мисс Эштон, подойдите, пожалуйста, к «Сайдуиндеру», и поскорее! Здесь творится черт знает что, и, главное, никто не может понять, в чем дело.

Экстренный вызов, сразу же сообразила Хейли. Голос Доусона, этого надежного и неизменно спокойного мужчины, выдавал его замешательство.

– Что у вас там стряслось? – уточнила Хейли.

– Тут один посетитель устроил настоящее светопреставление. Орет на всех как укушенный, разве что сам не кусается. Насколько я смог понять из этих воплей, его дочка зашла в женский туалет и как в воду канула. Вокруг этого ненормального собралась целая толпа. Уже пошли разговоры...

– Я иду.

– Послать за вами электрокар? Сейчас такая жарница, что...

– Нет, я пойду напрямик, через служебную зону, Доусон, – перебила охранника Хейли. – Постарайтесь там всех успокоить. Папашу – в первую очередь.

– Попробую.

Мужчина отключил рацию, а Хейли устремилась к двери, на бегу бросив своей помощнице.

– Подмени меня, Шарлин!

Маленький стеклянный куб с табличкой «Офис» располагался рядом с центральными воротами парка аттракционов. Через турникеты тянулась вереница обвешанных фотоаппаратами туристов, которые волокли за собой детей, и Хейли, подобно ледоколу, приходилось прокладывать себе путь сквозь эту яркую и шумную толпу. Немилосердная сентябрьская жара сушила ей горло, обжигала легкие.

Возле одного из турникетов возникла длинная очередь. Какой-то мужчина с пеной у рта препирался с билетершей. Служащая увидела спешащую мимо Хейли, и в ее затравленных глазах вспыхнул огонек надежды.

– Мисс Эштон! – окликнула она начальницу.

Не тратя времени на выяснение отношений, Хейли сразу же обратилась к недовольному посетителю:

– Вас что-то не устраивает, сэр? – Мысли Хейли, однако, были заняты другим инцидентом – тем, который разворачивался сейчас у аттракциона «Сайдуиндер», американских горок.

– Да, она говорит, что я не могу провести своего малыша по этому льготному билету, – развязным тоном ответил скандалист. – А ведь ему – всего три года. Он все равно не сможет кататься на аттракционах для взрослых. Вот я ей и доказываю, что я имею право...

– Пожалуйста, проходите, сэр. Этот билет нас вполне устроит, – нетерпеливо проговорила Хейли. Разрешение шло вразрез с правилами парка,ставляло служащую в глупом свете и было несправедливым по отношению к остальным посетителям, которые заплатили за билеты для своих маленьких детей, однако у Хейли не было времени препираться – ее внимания требовала другая, гораздо более серьезная проблема. «Не забыть бы извиниться перед билетершей, которую я незаслуженно обидела», – подумала Хейли.

Мужчина рассыпался в благодарностях, но Хейли, едва удостоив его кивком, уже устремилась к калитке в высокой серой стене, за которой начиналась служебная территория, куда, разумеется, допускались лишь сотрудники парка. В этот субботний полдень в парке аттракционов «Серендипити» от посетителей было негде яблоку упасть, а чем больше в подобном месте народу, тем выше вероятность возникновения всяческих «нештатных ситуаций». В функции Хейли как менеджера по работе с посетителями как раз и входило сглаживать любого рода конфликты и разбираться с разного рода проблемами, кто бы их ни создавал – гости или сам всевышний.

Сандалии на низком каблуке не очень подходили для спортивной ходьбы, да еще по асфальту, который, казалось, плавился в лучах невыносимо жаркого солнца. Стройные ноги женщины облегла легкая белая юбка. Пот уже пропитал зеленую блузку, нагрудный карман которой – прямо под пластиковой карточкой с ее именем – украшала скромная эмблема парка. Волосы у Хейли были цвета темной меди и достигали плеч. Слава богу, что сегодня утром она догадалась собрать их пучком на затылке, иначе сейчас они бы безобразно трепались, прилипали к лицу и путались.

Ей удалось пересечь служебную зону за рекордно короткий срок, и теперь Хейли уже выходила через калитку на противоположной стороне. Только что закончилось одно из шести ежедневных представлений театра «Дороги кантри», и выплеснувшаяся оттуда толпа захлестнула спешившую женщину. На лице ее застыла обычная радушная улыбка, однако в мозгу бурлил настоящий водоворот мыслей: «Маленькая девочка спряталась в женском туалете. Зачем? Что с ней могло случиться?»

Несмотря на спешку, Хейли задержалась, чтобы подобрать с земли небрежно брошенный кем-то окурок и отправить его в стоящую поодаль урну. В парке царил непреложный закон: сотрудник, который прошел мимо любого валяющегося на территории мусора и не устранил беспорядок, немедленно увольнялся. Вот почему стараниями целой армии служащих в светло-зеленой форменной одежде в парке поддерживалась идеальная чистота. Чище не бывает даже в квартирке одинокой старушки.

Хейли миновала один из многочисленных сувенирных магазинчиков, в которых продавались открытки, футболки и кофейные кружки с символикой Великих Туманных гор, штата Теннесси и непосредственно Гетлинберга. Все эти памятные мелочи шли у туристов нарасхват.

И все же толпа посетителей, клубившаяся возле сувенирной лавки, не шла ни в какое сравнение с той, что собралась у женского туалета неподалеку от американских горок. Аттракцион этот был таких гигантских размеров, что сама Хейли так и не набралась мужества прокатиться на нем. Сейчас, однако, ей было не до то-то. Она сосредоточенно протискивалась сквозь толпу, ни на что не обращая внимания.

– Прошу прощения... Извините...

Позвольте пройти, – сыпала она направо и налево, решительно прокладывая себе путь локтями. – Посторонитесь, пожалуйста, – вежливо, но твердо велела она какому-то дядьке, слизывавшему таявшее мороженое, которое уже капало на асфальт. Отодвинув его в сторону, она наткнулась на вызвавшего ее охранника.

– Доусон, – окликнула она мужчину, похлопав его по плечу.

– Ах, мисс Эштон, – с облегчением выдохнул тот. – Спасибо, что...

– Так это ее мы ждали целую вечность? – раздался сзади нее мужской голос. В нем слышались высокомерие, нетерпение и едва сдерживаемая ярость, а также сомнение в том, что Хейли стоило дожидаться. Резко обернувшись, женщина встретилась с ледяным взглядом серых глаз, смотревших на нее из-под темных сдвинутых бровей.

– Я – Хейли Эштон, менеджер по...

– Работе с посетителями, – с издевательской ноткой в голосе перебил ее собеседник. Он уже успел посмотреть на приколотую к ее рубашке пластиковую карточку с именем и должностью Хейли. – Давайте опустим титулы и попробуем хоть что-нибудь предпринять.

Его злые глаза буравили ее, словно два раскаленных сверла. Несколько секунд мужчина молча смотрел на Хейли, а затем продолжил:

– С моей дочерью что-то произошло, и никто ничего не делает. Стоят, будто бараны...

Когда мужчина говорил, губы его почти не двигались.

– Пожалуйста, постарайтесь успокоиться, сэр, и объясните мне толком, что случилось, – категоричным тоном заговорила Хейли. – Если вы окончательно утратите над собой контроль, это не поможет ни вам, ни вашей дочери.

В другом случае она бы сдержалась, но сейчас обстановка была накалена до предела, а злость и едкий сарказм этого человека лишь усугубляли ситуацию.

Тот снова поглядел в спокойные зеленые глаза Хейли. В поединке между его возбужденностью и ее самообладанием победило последнее.

– Мы стояли в очереди к этой вот штуковине... – Он ткнул пальцем в сторону аттракциона. – Внезапно моя дочь ни с того ни с сего побледнела, как призрак, и принялась кричать, а потом побежала в туалет. Я бросился за ней, но в дверях мне преградила путь ваша воинственная служительница и не пустила внутрь. Я...

– Она все еще там? – обратилась к Доусону Хейли, повернувшись спиной к говорившему. Охранник утвердительно кивнул. – Как ее зовут? – снова повернулась она к отцу девочки, рассвирепевшему оттого, что его подобным образом проигнорировали.

– Как ее зовут?.. – зарычал он. – Какая, к черту, разница, как ее зовут! С моей дочерью случилось, возможно, что-то ужасное, а вы стоите тут, как какой-то робот, и спрашиваете меня...

– Ее имя!

Мужчина разъяренно взъерошил пятерней и без того взлохмаченную темную шевелюру.

– Ее зовут Фейт! Фейт, черт побери!

– Благодарю вас. – Хейли быстро направилась к женскому туалету, бросив предварительно охраннику:

– Доусон, сделайте, пожалуйста, так, чтобы люди разошлись. Кроме того, вызовите сюда немедленно электрокар, а затем позвоните в медпункт и скажите, чтобы они были наготове. Возможно, им придется поработать.

Хейли двинулась дальше, не оборачиваясь, чтобы проследить за тем, будут ли выполнены ее указания. Она и так знала: будут. Не смотрела она и на высокого широкоплечего мужчину, который рысью следовал за ней, как солдат на поле боя бежит за своим командиром.

Войдя в прохладное помещение, Хейли на секунду остановилась, чтобы после слепящего солнца ее глаза привыкли к сумраку. Во взгляде женщины-дежурной она прочитала огромное облегчение. Не дожидаясь вопросов, та принялась торопливо излагать начальнице свою версию случившегося:

– Мисс Эштон, здесь была целая толпа женщин. Я как раз чистила одну из раковин, как вдруг с криками и плачем вбежала девочка и заперлась в последней кабинке. Я пыталась уговорить ее открыть дверь, но она никак не желала выходить. Я даже зашла в соседнюю кабинку, встала на тумбочку и заглянула через перегородку. Она скорчилась в углу и только всхлипывала. А тут, словно обезумев, врывается этот мужчина и начинает нести что-то несусветное. Женщины, как только увидели его, истошно завопили, подумав, наверное, что он – какой-нибудь извращенец и преследует эту маленькую бедняжку. Я тут же выставила всех за дверь. Я же говорю вам...

– Спасибо, Хейзел, – кивнула Хейли, прерывая этот поток. Объяснения словоохотливой и вдобавок перепуганной женщины могли продолжаться вечно. – Подождите меня снаружи. Если вы мне понадобится, я вас позову. И, пожалуйста, никого сюда не впускайте.

– Хорошо, мэм.

Хейли подошла к последней в ряду кабинке и тихонько потрогала запертую изнутри дверь.

– Фейт! С тобой все в порядке? – мягко спросила она. Ответа не последовало. Изнутри по-прежнему раздавались всхлипывания, которые Хейли услышала сразу же, как только вошла в женский туалет. – Фейт,пусти меня, пожалуйста. Я пришла, чтобы помочь тебе. Твой папа очень волнуется.

На секунду всхлипы перешли в плач, затем девчушка захлопала носом, а потом из кабинки раздалась звуки икоты. Взрослая женщина воспользовалась наступившим затишьем. Она мягко продолжала говорить:

– Меня зовут Хейли. Если с тобой что-то не так, ты можешь поделиться этим со мной. – Женская интуиция заставила ее добавить:

– Если хочешь, это останется между нами. Я никому ничего не скажу – даже твоему папе.

Хейли надеялась, что ей удастся сдержать это обещание, но в данный момент главным было вытащить девчушку наружу.

– Вы... Вы честно никому не скажете?

– Если ты так хочешь – никому.

– Я стесняюсь. – Еще пара всхлипов. – И еще... мне больно.

Тревога Хейли начала уступать место любопытству. Она оглянулась, желая убедиться в том, что вопреки ее приказанию в туалет не вошел отец девочки.

– Что у тебя болит?

Послышался шорох одежды, затем щелкнула задвижка. Дверь открылась внутрь кабинки, и перед Хейли показалась девочка лет одиннадцати в теннисных туфлях и шортах. Руками она оттягивала майку у себя на груди. Темные волосы Фейт были стянуты резинками в хвостики, серые заплаканные глаза смотрели сквозь стекла очков. «Глаза – в точности такие, как у ее отца, – подумалось Хейли, и почти сразу пришла мысль: – А почему, интересно, мне запомнился цвет глаз ее отца?»

– Привет, Фейт, – проговорила она и отступила в сторону, как бы приглашая девочку выйти наружу.

– Здравствуйте. – Девочка сделала шаг вперед и постаралась принять уверенную позу. Взгляд ее, впрочем, был устремлен вниз, на выложенный кафельной плиткой пол.

– Ты мне не расскажешь, в чем все-таки дело? Что у тебя болит?

Девочка облизнула губы, и Хейли заметила металлические скобки на ее зубах.

– Меня... Меня пчела ужалила.

– О господи! – взволнованно воскликнула Хейли. – А у тебя – аллергия на пчелиные укусы?

Фейт пожала плечами.

– Не знаю. То есть, наверное, нет. Конечно, я не умру и все такое. – Ее голос чуть заметно дрогнул. – Просто жжет очень... – тихо закончила девочка.

– Где она тебя ужалила?

– Да там, возле «Сайдуиндера». Хейли прикусила губу, чтобы не рассмеяться.

– Это понятно. Я хотела спросить, куда она тебя укусила. В какое место?

– А-а... – понимающе протянула Фейт. Она кинула быстрый взгляд на Хейли и снова отвела глаза в сторону, а затем задрала майку – решительно, словно опасаясь передумать. – Здесь.

На маленькой грудке, которая только начинала формироваться, Хейли увидела небольшое покраснение. И только тут она сообразила: отец и дочь были вдвоем – без мамы, и когда девочку ужалила пчела, та просто постеснялась сказать об этом папе, чтобы не показывать, куда именно.

У Хейли защемило сердце. Она вспомнила пору своего собственного взросления и то, как стыдливо и болезненно относилась она к каждому новому изменению в своем теле.

Подойдя к раковине, женщина смочила водой кусочек туалетной бумаги и заговорила, стараясь, чтобы ее голос звучал как можно более беззаботно:

– Интересно, как этой пчеле удалось туда залететь?

– Я потянулась, чтобы потрогать флажок на ограде, а там растут кусты.

– Жимолость.

– Ага, они так здорово пахнут! Ну вот, наверное, она и залетела ко мне в рукав. – Губы девочки снова начали кривиться. – Как вы думаете, папа сильно будет меня ругать? Я, наверное, вела себя не очень...

Прижимая мокрую бумагу к больному месту на груди девочки, Хейли ободряюще улыбнулась и завершила Фейт:

– Наоборот, он, я думаю, будет рад, что дело всего лишь в одном пчелином укусе, тем более что тебе не очень больно. Но ты все равно не показывай ему. Мужчины не понимают, как мы, женщины, к этому относимся. Ты со мной согласна?

Широко распахнув большущие глаза, Фейт изумленно смотрела на красивую тетю, которая, казалось, понимает все на свете.

– Точно, он вообще ничего не понимает. Он до сих пор считает меня маленькой.

– Да что ты, любому видно, что ты уже взрослая. Ведь не могла же ты в самом деле задрать майку при всем честном народе и завопить, что пчела укусила тебя в грудь!

Абсурдность подобного предположения заставила девочку рассмеяться. Хейли попыталась закрепить успех:

– Давай-ка опустим майку, а этот холодный компресс пускай остается на месте. Сейчас мы с тобой поедem на электрокаре в медпункт, твою «смертельную» рану помажут, и она сразу же перестанет зудеть. А после этого попьem кока-колы. Идет? – Фейт настороженно посмотрела на дверь, и Хейли, перехватив этот взгляд, добавила:

– Народ, должно быть, уже разошелся. Я велела охраннику, чтобы он занялся этим. Не можем же мы целый день торчать в туалете, верно?

Фейт засмеялась, опустила майку и скрестила руки на груди, чтобы не свалился компресс, а Хейли краешком мокрого полотенца вытерла ей лицо. Теперь о происшедшем свидетельствовали лишь опухшие глаза и покрасневший носик девчужки.

Хейли обняла рукой ее хрупкие плечи, и они бок о бок вышли на улицу. Как и ожидала женщина, никого из зевак возле входа не осталось. Отец Фейт, словно статуя, стоял неподалеку, не сводя застывшего взгляда с двери, но ожил сразу же, как только увидел дочь, и кинулся в их направлении.

– Фейт, с тобой все в порядке? – взволнованно обратился он к дочери.

– Да, папа, все хорошо, – застенчиво ответила та.

– Так какого... э-э-э... Что же все-таки случилось?

Понимая, что сейчас не время для перекрестного допроса, Хейли вмешалась:

– Я отвезу Фейт в медпункт. С ней, по-моему, все хорошо, но хотелось бы в этом убедиться. – И с этими словами она повела девочку к предусмотрительно доставленному Доусоном электрокару – такому, на которых ездят по полю для игры в гольф.

– Эй, послушайте, мисс...

– Мистер Доусон с удовольствием покажет вам дорогу до медпункта, – холодно прервала говорившего Хейли и, нажав на педаль, ловко объехала группу шумливых подростков. Кинув

через плечо последний взгляд на мужчину, она увидела, что отец девочки стоит, уперши руки в бока. Сейчас, наверное, этот посетитель с превеликим удовольствием задушил бы ее – таким уничтожающим взглядом он проводил их.

К тому времени, когда Хейли и Фейт подъехали к медпункту, что располагался на служебной территории, они уже успели стать подругами и, беззаботно болтая, вошли в маленькое кирпичное строение. Поскольку медсестра была занята, пытаясь привести в чувство какого-то перегревшегося на солнце старичка, Хейли отвела девочку в пустой процедурный кабинет.

– Если будет больно, скажи, – предупредила она, осторожно накладывая вязкую мазь на больное место на груди Фейт. Не успела Хейли закончить, как грохнула входная дверь и в приемной послышались торопливые, решительные шаги.

– Это папа, – несчастным голосом проговорила Фейт. – Он меня убьет.

– Я сама с ним поговорю, – успокоила девочку Хейли. – А теперь – хочешь коку?

– Ага. А можно я ее здесь попью? Хейли улыбнулась. Ей была понятна боязнь девочки видаться с отцом.

– Можешь оставаться здесь столько, сколько захочешь.

Закрыв за собой дверь, женщина лицом к лицу столкнулась с отцом Фейт, который нетерпеливо вышагивал взад-вперед перед столом дежурной медсестры.

– Где она? – рявкнул он, только завидев Хейли.

Никогда еще ей не доводилось видеть большего грубияна, чем этот тип.

– В процедурной, – ответила Хейли и направилась к стоявшему в противоположном углу холодильнику. – Я обещала принести ей коку.

– Коку! – взорвался он. – После всего этого ее еще и кокой поить?

Хейли не произнесла ни слова. Открыв банку, она прошла мимо него, как мимо пустого места, и вновь скрылась в процедурной. Фейт сидела на кушетке для обследований, смотрела на плакат, призывавший к борьбе с курением, и болтала своими худенькими ножками.

– Спасибо, – вежливо поблагодарила она, когда Хейли вручила ей банку с шипучим напитком.

Внимательно посмотрев на девочку, женщина спросила:

– А где твоя мама, Фейт? Та опустила голову на грудь и едва слышно ответила:

– Умерла. Несколько месяцев назад. Так Хейли и думала!

– Наверное, мне стоит рассказать твоему папе про пчелиный укусы, как ты считаешь?

Фейт обреченно кивнула. Женщина ободряюще похлопала ее по коленке, выскользнула из процедурной и плотно закрыла за собой дверь.

Отец Фейт сидел на краешке обтянутой дерматином кушетки, но, увидев Хейли, тут же вскочил на ноги.

– Можете не торопиться, – охладила она его пыл, – мне еще нужно составить акт о случившемся. – Женщина уселась за письменный стол и взяла стандартный бланк, который необходимо было заполнить, чтобы отчитаться о происшествии. Она делала вид, будто не замечает, что мужчина уже чуть ли не дымится. – Итак, что...

– К черту ваши дурацкие акты, мисс Эштон! Я хочу знать, что случилось с моей дочерью! Отвечайте немедленно!

Его голос уже не громыхал, как прежде, однако теперь в нем звучали зловещие нотки. Он стоял в двух шагах от Хейли, широко расставив руки и опершись ими о поверхность стола. И тут, подняв глаза, Хейли впервые взглянула на него как на мужчину, а не просто на очередного скандалиста, превратившего обычный размеренный день в бедлам.

Холодные серые глаза, нос прямой и тонкий, с красиво очерченными ноздрями, губы сжаты в узкую полоску. В иной ситуации они, очевидно, могли быть нежными и чувственными. Тяжелый подбородок и крепко сжатые челюсти свидетельствовали об упрямстве и указывали на недюжинную силу воли, не сулившую ничего хорошего тому, кто решился бы ее испытать.

Посеребрённые на висках волосы мужчины были по-прежнему взлохмачены, однако даже в этом можно было найти некую прелесть.

Синяя рубашка-поло туго обтягивала широкую грудь и мощные бицепсы, слаксы, по цвету чуть темнее рубашки, как влитые сидели на узких бедрах и стройных ногах, в треугольнике расстегнутого воротничка виднелись темные волосы, которые, судя по всему, покрывали всю его крепкую грудь.

Сейчас, нависнув над Хейли, он выглядел совсем иначе, нежели там, в окружении толпы зевак. Он излучал внутреннюю силу, противостоять которой осмелился бы разве что круглый дурак. Этот, по всему видно, решительный человек словно бросал миру вызов. Хейли сглотнула комок в горле и, надеясь на то, что профессиональные навыки не подведут ее, стала объяснять:

– Фейт ужалила пчела. Я наложила на укус обезболивающую мазь. Сейчас девочка отдыхает.

Мужчина облегченно вздохнул, выпрямился и утер вспотевший лоб тыльной стороной руки. Однако, сообразив, что его дочери ничего не угрожает, вновь набросился на Хейли:

– Так за каким же чертом был весь этот шум? Почему она просто не сказала мне о том, что произошло, вместо того чтобы убежать и куда-то прятаться?

– Пчела залетела ей под майку и ужалила девочку в грудь. – Хейли многозначительно посмотрела на собеседника, однако его лицо ничего не выражало. – Ваша дочь постепенно превращается в маленькую женщину, мистер...

– Скотт.

– Мистер Скотт. И она не может не замечать тех изменений, которые происходят с ее телом. Все дело в том, куда именно ее ужалила пчела. Девочке было стыдно сказать вам об этом, она застеснялась. А боль от укуса скорее всего ни при чем.

– Но это же чушь! Мне прекрасно известно, как выглядит женская грудь.

По некой причине, о которой Хейли не хотелось даже думать, у нее вдруг выступила испарина и перехватило дыхание. Ей стало стыдно за то, что она ведет себя так же по-детски, как Фейт.

– Возможно, это чушь для вас, мистер Скотт, но не для впечатлительной, эмоциональной девочки одиннадцати лет. Для нее просто невыносимо... показать вам грудь.

– Но я же ее отец! – выпалил он, не в силах постичь хитросплетений женской логики.

– И тем не менее, мистер Скотт. Я знаю, вам нелегко это понять, но все же постарайтесь. Фейт очень огорчена. Она боится, что ей попадет.

Скотт вполголоса выругался и тяжело опустился на кушетку. Рассеянно потер свой упрямый подбородок – мужчина, пытающийся понять нечто для него недоступное. Однако, когда он вновь поднял взгляд на Хейли, она увидела, что в его серо-стальных глазах что-то смягчилось.

– Да, наверное, я повел себя слишком... бурно.

Впервые в разговоре с этим человеком Хейли улыбнулась от чистого сердца.

– Это можно понять. Извините меня, но я спросила у Фейт о ее матери. Она сказала мне, что вы недавно потеряли свою жену.

– Она не была мне женой. – Увидев, как побледнело и вытянулось лицо Хейли, Скотт пояснил:

– Мы были женаты до рождения Фейт, но вскоре после этого развелись. Фейт все время жила с матерью, но несколько месяцев назад Моника погибла – это был несчастный случай, и теперь дочь живет со мной. – Большой рот мужчины скривился в растерянной улыбке. – Как видите, я до сих пор постигаю родительскую науку, – развел он беспомощно руками.

Хейли посмотрела на свои руки, а затем вновь перевела взгляд на собеседника.

– Растить ребенка одному – тяжелая задача для любого. Наверное, вам с Фейт еще придется долго притираться друг к другу.

Почему она так раскованно разговаривает с этим человеком на столь щекотливую тему? Да к тому же сама начала этот разговор! Стоит ли ей сказать ему еще одну вещь, дать еще один совет, о котором ее никто не просит?

– Запомните, пожалуйста: нет существа более чуткого, ранимого и требующего терпения, нежели взрослеющая девочка.

– А вот и есть. – Густые брови Скотта сошлись над глазами, в которых вдруг заплясали озорные огоньки. – Взрослый мальчик, который хочет ухлестнуть за взрослой девочкой.

Зеленые глаза Хейли моментально прикрылись ресницами, а еще недавно бледные щеки залил густой румянец. Чтобы не встречаться с испытующим взглядом Скотта, она повернулась к пишущей машинке и как только могла строго сказала:

– Мне пора возвращаться в офис, но сначала я должна составить акт. – Выставив на машинке поля нужной ширины, она сухо спросила:

– Ваше полное имя?

– Скотт. Тайлер Скотт.

Пальцы Хейли словно примерзли к клавишам, сердце подпрыгнуло к самому горлу, а тело стала бить мелкая дрожь. Боковым зрением она увидела, как Тайлер Скотт встал с кушетки, обошел письменный стол и остановился прямо напротив нее. Хейли смотрела перед собой и видела искусно сделанную пряжку ремня на его талии, мощный торс и крепкую широкую грудь.

Наконец их глаза встретились. Скотт смотрел на нее удовлетворенным взглядом победителя.

– Совершенно верно, мисс Эштон, – спокойно проговорил он, – я – владелец этого парка.

Глава 2

Лист был выдернут из каретки даже без помощи рычажка, освобождающего бумагу, скомкан в шарик и – через всю комнату – отправлен по воздуху в самый центр мусорной корзины с точностью, которой мог бы позавидовать Уилт Чамберлен.

– Думаю, на сей раз мы сможем обойтись без обычной бумажной волокиты, мисс Эштон. Как вы считаете? – холодно спросил он. – Тем более что через некоторое время этот акт окажется на моем письменном столе, а я и без того знаю, что случилось. Не думаю, что парк «Серендипити» должен нести ответственность за действия пчелы-одиночки, которая к тому же делала то, что ей положено делать. Тем не менее, я велю опрыскать кусты жимолости репеллентом, чтобы подобное не случалось впредь.

Говоря все это, Скотт расхаживал по комнате, засунув руки в карманы и с неподдельным интересом разглядывая развешанные по стенам плакаты и напоминания. Хейли сидела за пишущей машинкой как приклеенная. Что она наговорила этому человеку? Была ли она груба с ним? Да, была. Она намеренно и в течение долгого времени не сообщала ему, что произошло с его дочерью. Она заставила его пройти пешком долгий путь от «Сайдуиндера» до медпункта. Господи, как ей повезет, если завтра утром она еще не будет уволена. Ведь он может вышвырнуть ее прямо сейчас!

– А вот что действительно заслуживает моего пристального внимания, так это то, как мои служащие ведут себя в экстренных ситуациях. В противном случае это безответственность по отношению к посетителям нашего парка, не правда ли?

Впервые с того момента, как он представился, Хейли открыла рот, однако голос ее больше напоминал испуганный комариный писк:

– Да, правда.

«Вот оно, начинается, – подумалось ей. – Сейчас он либо разнесет меня в пух и прах и установит испытательный срок, либо сразу же уволит. Но ведь он сам спровоцировал эту грубость!» – стала придумывать она аргументы в свою пользу. Хейли продолжала ругать себя за нотации, которые читала хозяину, как вдруг заметила, что он подошел к процедурной и осторожно постучал в дверь.

– Фейт, – позвал мужчина. – Как ты там? Я все еще хочу прокатиться на «Сайдуиндере».

Дверь приоткрылась, и из нее с печальной мордочкой вышла пострадавшая. Скотт мягко улыбнулся дочери и приподнял ее головку за подбородок.

– Привет, малыш. Ты заставила меня здорово поволноваться. Тебе уже лучше?

– Да, папа. Извини, я так глупо себя вела. Мне было слишком... Ну... Я была...

– Не надо ничего объяснять. Поблагодари мисс Эштон и пойдем. Если ты, конечно, не хочешь просидеть остаток жизни в процедурной.

– Нет, – улыбнулась Фейт. Со стороны казалось, что ей страшно хочется прыгнуть отцу на шею и повиснуть на нем, однако что-то ее удерживало. Вместо этого девочка повернулась к Хейли, которая по-прежнему сидела за письменным столом, будто превратившись в соляной столб.

– Спасибо, Хейли. Даже не знаю, что бы я без тебя делала. Ты – просто класс!

– Спасибо за комплимент. Я рада, что оказалась поблизости и смогла тебе помочь. Не беспокоит ли тебя укус?

– Не-а, вообще не болит.

– Смотри, чтобы ранка не воспалилась. Иногда укусы насекомых могут оказаться очень серьезными. – Превозмогая охватившие ее страх и оторопь, Хейли перевела взгляд на отца Фейт и своего хозяина. – Мистер Скотт, может быть, вам стоит купить в аптеке какую-нибудь специальную мазь?

– Хорошая мысль, мисс Эштон. Как вы думаете, какую именно?

Дрожащими руками Хейли нацарапала на клочке бумаги название мази и протянула Скотту, однако вместо того, чтобы взять его, он обхватил запястье Хейли и в упор посмотрел на нее.

– Мы еще встретимся, – многозначительно проговорил он своим низким голосом и только потом выхватил из ее пальцев записку.

– Фейт, – позвал он дочь, и они рука об руку вышли в полуденный зной, в то время как Хейли осталась дрожать в прохладной приемной медпункта. Впрочем, причиной этой дрожи, что сотрясала все ее тело, был вовсе не холод.

Как же можно было оказаться до такой степени слепой! Хейли почувствовала раздражение по отношению к Скотту с первого же взгляда. Она грубила ему, получала какое-то болезненное удовлетворение, доводя до белого каления! Намеренно, с потаенным наслаждением заставила его идти по солнцепеку, хотя в электрокаре вполне хватило бы места на троих! А ведь никогда раньше Хейли Эштон не относилась к другим людям так наплевательски!

Она сделала запись в журнале медсестры, вкратце изложив суть происшедшего, и вышла из медпункта. Стоит ли ей позвонить руководителям других подразделений и сообщить, что их общий наниматель находится в парке? Нет! Она и без того навлекла на себя гнев мистера Скотта, так что теперь до того момента, пока он сам не даст о себе знать, лучше быть тише воды и ниже травы. Остается только надеяться, что если ее коллеги наткнутся в парке на хозяина, то поведут себя более благоразумно, нежели она.

Хейли быстро пересекла служебную территорию, не глядя по сторонам. Проработав в парке «Серендипити» четыре года, она знала его многочисленные дорожки, ручейки, лавочки, закусочные, театры и аттракционы как свои пять пальцев. Ничего удивительного: без этого Хейли просто не смогла бы выполнять свои служебные обязанности.

Хейли была помешана на добросовестном отношении к работе и славилась среди коллег своей компетентностью. То-то все удивятся, когда ее уволят за то, что она нахамила посетителю, который в придачу оказался Тайлером Скоттом!

После того как Хейли проработала в «Серендипити» год, парк был продан компании «Скотт энтерпрайзез» из Атланты и превратился в частичку гигантской империи, принадлежавшей этому человеку. В нее входили компании по недвижимости, деревообрабатывающие заводы, фирмы по производству компьютеров.

– Вам звонит Элен Эштон. Вы оплатите телефонный разговор? – раздался голос телефонистки.

– Да, – устало ответила Хейли.

– Привет, сестричка!

На секунду Хейли почувствовала раздражение из-за того, что Элен опять звонит за ее счет, но затем с виноватым вздохом отогнала от себя эти эгоистические мысли. Если у нее самой выдался жуткий день, это не значит, что она имеет право срывать свое раздражение на других.

– Привет, Элен. Как дела?

Задавая этот вопрос, Хейли заранее знала, что за ним последует долгий и подробный рассказ о всех последних событиях в жизни Элен. Причем – за ее счет. Она села на постель и терпеливо приготовилась слушать.

Хейли сознавала, что привлекательна. Но сестру, которая была на два года младше ее, считала просто красавицей. Если у Хейли волосы были цвета темной меди, то у Элен – пламени. Хейли была высокой и стройной, как манекенщица, однако с тех самых пор, как была подростком, привыкла считать себя тощей и угловатой. Элен в отличие от нее не страдала комплексами. Из девочки она превратилась в женщину с роскошными формами, причем без всяких наполненных юношескими предрассудками переходных состояний.

Хейли была человеком зависимым, Элен – восхитительно безответственным и безрас- судным, однако ее красота и искристый, непостоянный, словно легкое вино, характер делали ее объектом всеобщего обожания. Если благодаря этим качествам она теряла место, то благодаря им же незамедлительно очаровывала очередного мужчину и снова получала работу, несмотря на свои более чем ограниченные способности.

– Судя по твоему голосу, новая работа нравится тебе куда больше прежней? – пере- била сестру Хейли, когда та после нескольких минут безостановочной болтовни сделала паузу, чтобы перевести дыхание.

– О да! Здесь люди гораздо приятнее. А в той, другой конторе работали сплошные стервы! Наверное, они мне просто завидовали, вот и врали, будто бы босс говорил про меня всякие гадости. Так что я смылась ради собственного спокойствия.

Хейли подозревала, что версия сестры относительно того, почему ей пришлось уволиться с последнего места, была далека от истины, но не стала спорить и допытываться. Элен вообще не стоило работать, она была просто не предназначена для этого. Ей бы найти мужа с толстым кошельком и огромным запасом терпения, чтобы он баловал ее до конца жизни.

– На новом месте я уже успела завести несколько новых друзей, и мы каждый вечер ходим танцевать.

– Это просто замечательно, Элен.

– Ага! На следующей неделе я иду на вечеринку в кантри-клуб, меня пригласили. Это потрясающее место – там собираются все сливки общества. – Это проявление снобизма сестры, непонятно откуда взявшегося, заставило Хейли вздохнуть. – Но мне не дает покоя одна маленькая – совсем малюсенькая – проблемочка.

Хейли заранее знала, что это за «проблемочка».

– Сестренка, мне нужно новое платье, а у меня еще – толстенная пачка неоплаченных счетов. Я ведь только что вышла на новую работу. Может, ты подкинешь мне немного? Ну, пожалуйста!

– Но, Элен, я ведь только на прошлой неделе послала тебе деньги! – с ноткой раздражения напомнила Хейли. – Куда они подевались? – Эта жалкая сотня долларов?

– Эту «жалкую сотню долларов» мне было очень непросто заработать, – сухо парировала старшая сестра.

– Извини, сестренка, я не хотела показаться неблагодарной. Господи, совсем наоборот! Но все эти деньги я потратила на новый костюм. Ты же понимаешь, что я не могу заявиться на новую работу в старье!

Хейли подозревала, что шкафы у Элен просто ломятся от «старья».

– Ты, по-моему, говорила, что эти деньги нужны тебе для оплаты телефона?

– Говорила, но за телефон я заплатила, заняв немного денег у одной из девушек, с кото- рыми теперь буду работать.

От злости Хейли закусилла нижнюю губу, но сумела подавить в себе вспышку гнева и рассудительным тоном заметила:

– По-твоему, это правильно – занимать деньги у человека, с которым ты едва знакома?

– А, плевать! Мы с ней уже лучшие подруги.

«Надолго ли?» – хотелось спросить Хейли. У нее внезапно разболелась голова, и она досадливо потерла лоб.

– Хорошо, Элен, я вышлю тебе еще немного, но это – в последний раз. – Ей вспомнились ледяные серые глаза, в упор смотревшие на нее сегодня днем, и она подумала, что уже завтра может остаться безработной.

– Самый что ни на есть последний! – торжественно заверила Элен, вслед за чем разра- зилась целым потоком похвал в адрес Хейли:

– Ты самая лучшая в мире сестра! Как я счастлива, что ты заботишься обо мне!

Затем сестры попрощались. Все это повторялось уже не в первый раз и – Хейли не сомневалась – будет повторяться в будущем. От подобной привычки Элен вряд ли сумеет избавиться.

Хейли всегда заботилась о младшей сестре. Когда они были еще маленькими девочками, все окружающие – причем этого никто не скрывал – воспринимали Элен как «хорошенькую», а Хейли как «умненькую». Благодаря ангельскому личику Элен родители прощали ей всю ее безответственность и забывчивость, а думать за нее была вынуждена старшая сестра. Хейли всегда вытаскивала Элен из передраг. Прошли годы, но ничего не изменилось.

На протяжении всей своей жизни Хейли несла на себе крест какой-либо ответственности. Когда родители состарились, именно она осталась дома ухаживать за ними, а Элен, не моргнув глазом, уехала, поскольку, по ее словам, не могла жить с больными людьми. И это при том, что у родителей младшая дочь явно была любимицей. Им хотелось бы, чтобы с ними находилась именно Элен. Хейли не осуждала их за это. Во время кратких и бурных визитов Элен к старикам весь дом наполнялся смехом и весельем. Что ж, конечно, им было бы приятнее жить с жизнерадостной младшей дочерью, нежели с занудой-старшей.

«Да что же это такое! – мысленно воскликнула Хейли, откинувшись на подушки. – Что со мной такое сегодня происходит? В чем причина жалости к самой себе?» Риторический вопрос! Ответ на него был ей известен: Тайлер Скотт. Она построила для себя свой маленький мир, пусть несколько скучный и бесцветный, но что теперь сделает с ним этот человек?

Словно желая подсказать ответ, резко зазвонил телефон. Рука сама потянулась к трубке, но в течение нескольких секунд Хейли не решалась ее снять. Что-то подсказывало ей, кто звонит. Так и есть!

– Мисс Эштон? – прозвучал в трубке голос сразу же, как только женщина поднесла ее к уху. – Это Тайлер Скотт.

– Да, мистер Скотт. Как себя чувствует Фейт?

– Хорошо, но я звоню по другому поводу. Надеюсь, не помешал вам своим звонком?

Это он всерьез? Как не стыдно: спрашивать, не потревожил ли он ее звонком, если через минуту собирается сообщить ей, что она уволена!

– Н-нет... Я лежу отдыхаю.

В трубке зависло молчание. В этой паузе чувствовалось такое многозначительное напряжение, что ее даже не надо было заполнять ничем иным.

– Эй, – окликнул ее собеседник, – я ведь не оторвал вас ни от каких важных занятий?

Намек был прозрачным и откровенным. Хейли резко втянула в себя воздух и твердо ответила:

– Нет, ни от чего по-настоящему важного, мистер Скотт.

– В таком случае жду вас завтра в тринадцать часов в офисе Сандерса.

Ошеломленная, Хейли держала в руке трубку, из которой уже неслись короткие гудки. Черт бы его побрал! Какое право он имеет строить какие-то предположения относительно ее личной жизни! А если даже в его испорченном уме и возникли какие-то скабрзные мысли, как он смеет высказывать их вслух! Завтра при встрече она без обиняков выскажет ему все, что думает о его грязных намеках!

Завтра...

Что он собирается сделать? Что хочет ей сказать? Зачем заставляет ее ворочаться как на иголках, думая о том, потеряет ли она работу? Если уж решил уволить, почему не сказать об этом сразу?

Начисто забыв про ужин, Хейли побрела в ванную комнату. Она без труда найдет другую работу. С ее-то опытом! Так с какой же стати ей беспокоиться о том, что у него на уме? Ну и черт с ним, пусть увольняет! Пусть заберет ее должность себе, и посмотрим, может, у него самого лучше получится? «Да никогда в жизни, мистер Скотт!» – выкрикнула Хейли своему отражению в зеркале.

Ей нужно изменить свою жизнь. Сделать что-нибудь неожиданное. Нет, лучше – неслыханное. Даже – скандальное. Хейли Эштон всегда поступала правильно, всегда делала только то, чего от нее ждали, и всегда... страдала от этого. Удивила ли она, разочаровала, шокировала ли хоть одного человека? Никогда.

Так не пора ли? А если пора, то что нужно для этого сделать: ограбить банк, пробежаться голышом по улице или завести роман?

Голова Хейли непроизвольно вздернулась вверх, взгляд ее снова устремился к зеркалу по другую сторону ванны. Откуда вдруг взялась эта мысль? Она и сама не знала. А вот и следующая, которая так и не всплыла невесть откуда: «Интересно, что Тайлер Скотт думает обо мне как о женщине? Господи, что только не придет в голову!»

Объективно говоря, он представлял собой образчик идеального мужчины, если, конечно, такой тип вам по вкусу. Черты его лица говорили о суровости и мужественности, хотя Скотт, судя по всему, умел и улыбаться: когда он говорил о себе как о начинающем родителе, Хейли заметила на его губах подобие улыбки. Взгляд его серых глаз излучал холод, однако смягчился и потеплел, когда он посмотрел на дочку. И, несомненно, он был красив.

А вот про убийственные взгляды, которыми он награждал саму Хейли, можно было сказать все, что угодно, кроме того, что они плотоядны. Женщина грустно усмехнулась. Конечно, был один момент, когда Скотт устремил взгляд на ее грудь, но – только для того, чтобы прочитать имя и фамилию Хейли на пластиковой карточке. Вряд ли его глаза задержались там надолго.

А потом был еще один момент, когда Скотт взял ее за руку – ей, впрочем, показалось, что это длилось целую вечность. Интересно, удалось ли ему почувствовать, как бешено бился ее пульс у запястья?

Хейли уже лежала в постели. Она протянула руку и выключила ночник, надеясь, что кружившие в ее мозгу обрывки эротических фантазий разбегутся, однако они не испугались темноты и по-прежнему заставляли ее беспокойно ворочаться под простыней. Когда Хейли наконец заснула, тело ее источало жар. Ей снилось, что пчела укусила в грудь не маленькую девочку, а ее, Хейли, и Тайлер пытается унять ее боль. Прикосновения его были нежны, но словно бы наполнены неведомой энергией, глаза смотрели с симпатией, но будто ничего не выражали. Его рот...

Одним словом, нормально поспать Хейли в эту ночь так и не удалось.

Утро следующего рабочего дня преподнесло череду мелких неприятностей. Кто-то из посетителей потерял бумажник, который, впрочем, вскоре удалось отыскать, и на Хейли обрушился град слезных благодарностей за помощь, оказанную в поисках. То и дело терялись дети, но и они через непродолжительное время воссоединялись с обезумевшими от горя родителями. Не внушали особой тревоги и сводки из медпункта: одна содранная коленка и одна разболевшаяся голова. Хейли лично приветствовала группу пожилых посетителей, устроивших пикник на свежем воздухе, просмотревших представления во всех театрах парка и скромно прокатившихся на карусели. Желая ублажить старичков и взяв на себя обязанности другого своего коллеги, Хейли сама позвонила массивному-затейнику, который должен был приступить к работе только через час, и он пообещал явиться немедленно.

Во всех этих заботах утро пролетело незаметно, но по мере того, как приближался час аудиенции у Тайлера Скотта, время тянулось все медленнее.

В двенадцать тридцать она оставила вместо себя на хозяйстве Шарлин и вышла из офиса. Хотя по-прежнему было жарко, поверх зеленой форменной блузки Хейли надела еще и белый блейзер. Отправляясь на подобную встречу, нужно выглядеть официально.

Хармона Сандерса, главного управляющего парка, на месте не было, но Хейли приветствовала его энергичная секретарша. Казалось, что этот устланный коврами офис находится за сотни миль от шумного парка развлечений.

– Привет, Хейли!

– Привет, Нэнси! А где все? Обычно приемная главного управляющего была заполнена руководителями различных служб, жаждавшими пошептаться с начальником.

– Все залезли под корягу из-за... – секретарша оборвала себя на половине фразы и мотнула головой в сторону закрытой двери в кабинет, —..этого. – Она поманила Хейли пальцем и перегнулась через стол. – Представляешь, не появлялся тут целых три года и вдруг – нате вам! Но, Хейли, какой же это потрясающий мужчина! Увидишь его – сама поймешь. Господи, я чуть не померла от страха, когда он эдак простенько вошел в дверь и представился.

Нэнси сделала глубокий вздох, изобразив, что от этого воспоминания у нее перехватило дыхание.

– Он велел впустить тебя в кабинет сразу же, как только ты появишься. Ты как, готова? – спросила Нэнси с сочувствием, словно провожала подругу на эшафот.

– Да, – ответила та с наигранным безразличием. Подойдя к тяжелой дубовой двери, она повернула медную ручку. Тайлер Скотт склонился над письменным столом и внимательно изучал какой-то отчет, в виде компьютерных распечаток лежавший на полированной поверхности стола.

– Входите, мисс Эштон, – предложил он, не поднимая головы. Как, интересно, он догадался, что это именно она, Хейли? – Вас с головой выдает благоухание «Шанель», – продолжал Скотт, словно прочитав ее мысли, и, поглядев наконец на Хейли из-под густых бровей, сказал:

– Садитесь.

Значит, хозяин решил придерживаться дружеского, а не формального тона, иначе он не отпустил бы этого замечания по поводу духов. Кстати, откуда, интересно, такие глубокие познания в ароматах парфюма? Ощущая дрожь в коленях, Хейли подошла к одному из мягких кожаных стульев возле письменного стола, села у закинув йогу на ногу и одернула юбку.

Ее благородный гнев по поводу вчерашней телефонной грубости Скотта позорно испарился. Какой смысл злить его еще больше? Он – самый обычный узколобый мужлан, считающий женщин неполноценными существами, и никакие слова, не смогут убедить его в обратном. Со стороны Хейли будет лучше попросту не обращать внимания на то, что он говорил вчера по телефону. В теперешнем разговоре она станет строго придерживаться сугубо профессиональных тем.

Прошло не меньше минуты, прежде чем Скотт отложил в сторону распечатки и сел за письменный стол. Странно, что он не поручил изучить отчеты о работе парка «Серендипити» какой-нибудь мелкой сошке, а предпочел заняться этим лично.

Рукава его белой рубашки были закатаны до локтя. На столе валялись золотые запонки с его инициалами. Узел полосатого галстука был ослаблен, верхняя пуговка воротника – расстегнута. Пиджак Скотта висел на деревянной вешалке, стоявшей позади, а сам он был в жилетке, туго обтянувшей его могучий торс.

Откинувшись в кресле, Скотт положил ноги на стол и закинул одну на другую.

– Ну, как вы, мисс Эштон?

Если он поставил целью сконфузить свою собеседницу, то цель эта была достигнута. Хотя, надо сказать, Хейли и не ожидала увидеть изысканные манеры.

– Я в порядке, спасибо, мистер Скотт.

Как себя чувствует Фейт? Ее больше не беспокоил укус?

– Нет, – улыбнулся мужчина. – Я был, разумеется, изгнан из ванной комнаты, поэтому не видел, что там такое, но, насколько могу судить, с ней тоже все в порядке.

Хейли улыбнулась собеседнику в ответ и немного расслабилась.

– Это хорошо, а то я очень волновалась за нее. Я бы позвонила ей сегодня утром, да не знала, где вы остановились.

– В «Гленстон лодж», у меня заказаны апартаменты на несколько недель. – Хейли была удивлена, и, очевидно, это отразилось на ее лице, поскольку собеседник пояснил:

– Моя компания базируется в Атланте. Там – наш дом, а сюда я приехал, чтобы произвести в парке кое-какие изменения. Я подумал, что и для Фейт невречно сменить обстановку. Она... не в своей тарелке с тех пор, как погибла ее мать.

– А разве в сентябре ей не надо идти в школу?

– Конечно, надо, но... Прошлой весной, когда погибла Моника, у девочки был психологический срыв, и врачи сказали, что ей необходим отдых. Летом я немного занимался с ней, но в школу собираюсь отправить только после Рождества, не раньше. Она всегда была отличницей, так что быстро догонит одноклассников. Ее душевное равновесие для меня гораздо важнее, нежели школьные успехи.

– Наверное, вы правы. – Зачем он рассказывает ей все это? Нет, Хейли, конечно, было далеко не безразлично все, что связано с Фейт. Девочка проявила к ней гораздо больше расположения, нежели ее грозный папаша. Хейли была искренне тронута беззащитностью Фейт. Но где это видано, чтобы воротила масштаба Тайлера Скотта обсуждал свои семейные дела со служащей, которую к тому же собирается вышвырнуть за дверь!

– Скажите, Хейли, вам нравится работа в «Серендипити»? – неожиданно спросил ее Скотт.

Неужели он обратился к ней по имени? Она не ослышалась?

– Да.

– Вы намерены ограничиться этим сухим лаконичным ответом? – В глазах Скотта мелькнул лукавый огонек.

– Нет, конечно. Я работаю здесь уже четыре года, а пришла в «Серендипити» еще до того, как вы его купили. Хармон... то есть мистер Сандерс, периодически поднимал мне зарплату, и поэтому я не видела смысла искать другую работу. Он платил мне...

– Вам платил я, а не Сандерс.

– О, – покраснела Хейли, – простите. Я думала...

– Вы думали, что человек, живущий в Атланте, вознесся слишком высоко, чтобы знать всех своих подчиненных. Однако я не таков, Хейли. Я знал о вас и ваших способностях еще до того, как приобрел этот парк.

Способностях? Сказал бы он такое, если бы собирался уволить ее?

– В моем досье на мисс Хейли Дайан Эштон, двадцати восьми лет от роду, карточка социального страхования номер 462-89-1002, недоставало одной подробности. Там не было сказано, что вы – чрезвычайно красивая женщина.

Ее сердце подпрыгнуло и на несколько секунд замерло, а потом начало бешено колотиться, Хейли утратила способность дышать. Отведя глаза, чтобы спрятаться от гипнотического взгляда сидевшего напротив мужчины, она уставилась на подол своей юбки. Когда же снова осмелилась поднять на него взгляд, он смотрел туда же, куда за секунду до этого – она: на подол ее юбки, под которым угадывалось ее колено. Затем глаза Скотта опустились еще ниже, исследуя стройные, обтянутые нейлоном икры женщины. Она почувствовала, что у нее кружится голова. К чему он ведет? Этого только не хватало! Неужели, чтобы сохранить свою работу, ей придется с ним переспать?

Пауза, однако, затянулась. Правила вежливости требовали от Хейли хоть какого-нибудь ответа.

– Благодарю вас, – выдавила она.

– Не за что, – кивнул Скотт и, встав с кресла, обошел письменный стол, небрежно примостившись на его уголке. Он, похоже, развлекался. Ну когда же будет нанесен решающий удар?

– Скажите, вы когда-нибудь задумывались о том, чтобы покинуть «Серендипити»?

– Нет, – решительно тряхнула головой Хейли. – Мне нравится моя работа.

– А если я предложу вам другую? Значит, он не собирается увольнять ее! Женщина подняла глаза.

– Какую? – с любопытством спросила она, хотя и не думала, что ему действительно удастся заинтересовать ее чем-нибудь стоящим.

– Мне принадлежит одна компьютерная фирма, и там нужен работник вроде вас. Такой, который умеет общаться с клиентами. Я хотел бы, чтобы вы научили этому искусству тамошний персонал.

– Но я не разбираюсь в компьютерах!

– Разбираться в компьютерах вам как раз не обязательно. Достаточно того, что вы разбираетесь в людях. Мне, по крайней мере, от вас нужно именно это. Работающие там люди технику знают досконально, но, к сожалению, совершенно не умеют строить отношения с клиентами. Не согласитесь ли вы подумать над этим предложением?

Несколько секунд Хейли смотрела ему в лицо, а затем опустила взгляд на свои похолодевшие от волнения руки.

– Наверное, нет, мистер Скотт. Мне на самом деле хорошо здесь, в «Серендипити».

– Понятно. – Скотт также опустил взгляд и в течение некоторого времени, нахмурившись, созерцал носки своих сияющих туфель. Из приемной донеслась телефонная трель и послышался приглушенный голос Нэнси. Помимо этих звуков, ничто не нарушало тяжелое молчание, повисшее в комнате.

– Что ж, продолжайте работать в своем нынешнем качестве, – наконец проговорил Скотт, подняв глаза на Хейли. – Откровенно говоря, для меня будет даже удобнее, если вы останетесь здесь.

– Удобнее? – переспросила Хейли. – Я что-то не понимаю вас, мистер Скотт. Что удобнее?

– Соблазнить вас, – без колебаний ответил он, насмешливо сверля ее своими серыми глазами.

Глава 3

Если бы в этот момент Скотт расправил большие белые крылья, Хейли и то удивилась бы меньше. На некоторое время она лишилась дара речи и способности двигаться, рот ее непроизвольно открылся, как у умственно отсталой.

– Что? – выдохнула она.

– Вы правильно расслышали меня.

– Не верю своим ушам!

– Напрасно. Я намерен вас соблазнить.

– Вы шутите?

– Я никогда не шучу. – Вслед за этим, опровергая собственное утверждение, Скотт расхохотался. Даже при том, до какой степени она была ошеломлена его наглостью, Хейли отметила, что ей был приятен его громкий низкий смех.

– Похоже, вы удивлены, – проговорил он. – Чем же? Мы с вами могли бы стать идеальными любовниками. И по возрасту подходим – я на десять лет старше вас и могу дать вам все, что только пожелаете. В то же время вы не будете находиться от меня в материальной зависимости. Мы оба образованны и умны. Мои взгляды, насколько мне известно, еще никому не внушали отвращения, и я уже сказал вам, что считаю вас очаровательной. Повторю, мы, по моему, стали бы идеальной парой.

Взбешенная, Хейли вскочила на ноги, словно подброшенная пружиной. Ей не верилось, что мужчина – любой мужчина – может так беспардонно разговаривать с женщиной.

– Надеюсь, это шутка, – возмущенно произнесла она.

– Вовсе нет. Я говорю это совершенно серьезно, в мои планы входит в самом скором времени стать вашим любовником.

– Мне плевать на ваши планы, если только они не связаны с моей профессиональной деятельностью. Я сознаю, что вчера была груба с вами, и приношу свои извинения, но мне кажется, что наказание, которое вы выбрали для меня, очень дурно пахнет. Сексуальные домогательства с использованием служебного положения – самое отвратительное, что может придумать начальник по отношению к своей подчиненной. Я скорее умру, чем соглашусь на дешевую интрижку с вами, а если вам недостаточно простого «нет» с моей стороны, то можете забирать все свои выгодные предложения и катиться к чертовой матери!

Она развернулась на каблуках и кинулась к двери, однако на полпути была остановлена властным окриком Скотта:

– Хейли! Подождите!

Не желая, чтобы он подумал, будто она боится, женщина обернулась и встретилась с ним взглядом. Каждая черточка ее лица буквально дышала яростью.

– Вы сказали «сексуальные домогательства»? Мне не хотелось, чтобы вы восприняли мои слова таким образом, но, коли это случилось, хочу пояснить: к вам никто не собирается приставать. Я намерен увлечь вас, влюбить вас в себя.

– Не надо словесных упражнений! Это – то же самое. Скотт улыбнулся:

– Не совсем. По крайней мере, у меня – свои секреты и методы убеждения. Когда мы сойдемся поближе, вы будете желать меня так же страстно, как сейчас желаю вас я.

– И не мечтайте!

– Вас ведь уже тянет ко мне.

– О-о... – простонала Хейли сквозь сжатые зубы. – Вы просто... Я... Я не...

– Правильно, вы и не думали, что это – сексуальные домогательства. Этим термином называется совсем другое – когда наниматель использует свое служебное положение и склоняет сотрудницу к сожительству, угрожая в противном случае лишить ее работы. Во-первых, вам

нечего волноваться за свое место, во-вторых, даже если бы вы не работали на меня и мы встретились при совершенно иных обстоятельствах, я точно так же вознамерился бы завоевать вас.

– Однако, потеряв меня, ваша компания не развалилась бы.

– Я считаю вас ценным сотрудником и не хотел бы потерять из-за приступа собственной похоти. Если бы я был человеком подобного сорта, то уже заставил бы вас подчиниться своей воле с помощью угроз и запугивания. И уж, по крайней мере, не стал бы тратить целых полчаса своего времени на препирательства с вами.

Должен признать, что вчера я поддался панике, – продолжал Скотт. – Если бы любой другой из гостей повел себя таким же образом, я ожидал бы от своего менеджера по работе с посетителями оперативных и эффективных действий – именно таких, какие предприняли вы. Главной задачей для вас было позаботиться о пострадавшем госте, в данном случае – Фейт. Я считаю, что вы действовали на пять с плюсом.

Честность собеседника обезоружила Хейли.

– Спасибо, – сухо ответила она.

– Однако, – с нажимом произнес Скотт, оттолкнувшись от стола и сделав несколько шагов в ее сторону, – ваши блестящие профессиональные качества не имеют ни малейшего отношения к теме нашего разговора.

Он стоял уже в нескольких сантиметрах от Хейли, и женщина была вынуждена запрокинуть голову, чтобы посмотреть ему в глаза. Инстинкт самосохранения требовал, чтобы она немедленно бежала отсюда, но жар, горевший в его глазах, словно пригвоздил ее к месту. Мужчина поднял руки и опустил их на плечи Хейли, его губы, оказавшиеся в опасной близости от ее рта, прошептали:

– Я хочу, чтобы ты вошла в мою жизнь, Хейли. И в мою постель.

Она ожидала, что его губы будут жесткими, требовательными, даже жестокими, однако все оказалось иначе. Губы, пленившие ее рот, были нежные и будто о чем-то просили. Тайлер словно смаковал этот поцелуй, пил его нежно и не торопясь, как будто опасаясь, что женщина растает в воздухе, прежде чем он успеет распробовать ее.

Хейли не сопротивлялась, но и не отвечала на поцелуй. Поначалу шок от всего происходящего лишил ее способности двигаться, однако теперь, с каждым ударом сердца, напряжение становилось все меньше. Расслабились и ее губы, которые он ласкал своим языком – ненавязчиво, словно дразня. Откуда-то издалека до Хейли донесся звук, и прошло несколько секунд, прежде чем она сообразила, что сама издала его. Ее руки непроизвольно поднялись, и ладони оказались на широкой груди Скотта.

Женщина слегка подалась вперед, и, откликнувшись на это движение, он привлек ее к себе – решительно и нежно. Руки мужчины обвились вокруг ее талии, как железные цепи... Нет, скорее как бархатные ленты. Как бы то ни было, теперь она не смогла бы убежать.

Уступив настойчивым движениям его языка, губы Хейли раздвинулись. Поцелуй дарил такое наслаждение, что у нее закружилась голова.

В глубине сознания неотступно вертелась мысль: она должна положить этому конец. Что она делает? Ведь это безумие: стоять тут, у своего начальника, и целоваться с ним! Кроме того, это совершенно не в ее характере! Но ведь только вчера вечером, в минуту одиночества и отчаяния, ей в голову пришла мысль выкинуть какой-нибудь фортель – хотя бы для разнообразия. Так почему бы теперь не воплотить эту фантазию в жизнь? В конце концов можно в любой момент остановиться. Что тут такого? Невинный поцелуй – и ничего больше!

Умело и не торопясь Тайлер исследовал и смаковал ее рот. Она и не думала, что обычный, казалось бы, поцелуй способен дарить подобное наслаждение. Отвечая на ласки, Хейли бессознательно прижала еще крепче к его широкой груди и ощутила, как там, где-то в глубине, раздался глухой стон наслаждения. С неосознанным бесстыдством женщина отметила,

что, оказывается, и она, правильная, зависимая Хейли Эштон, способна заставить большого сильного мужчину стонать.

Прошло довольно много времени, и, задохнувшись, Скотт Тайлер оторвался от губ Хейли и стал ощупывать жадным, пристальным взглядом каждую черточку ее лица. Уверенными движениями он расстегнул пуговицы ее блейзера и распахнул полы ее пиджака. Теперь его взгляд жег грудь женщины, и, словно отвечая на молчаливый призыв его глаз, соски Хейли напряглись и отчетливо проступили через легкую ткань блузки.

Скотт нежно улыбнулся. Его сильные загорелые пальцы мягко убрали медные пряди ее волос с горящих щек.

– Когда мы сблизимся, я открою все восхитительные секреты твоего тела, Хейли, и ты с наслаждением поделитесь ими со мной. Я обещаю тебе это. Я познаю каждую твою клеточку – снаружи и изнутри.

Его мягкая речь вывела молодую женщину из транса, в котором она находилась. Хейли оттолкнулась от него с такой решимостью, что Скотт не устоял на месте и непроизвольно отступил назад, чтобы удержать равновесие.

– Вы не узнаете обо мне ничего нового, кроме того, что вам уже известно, мистер Скотт, – проговорила она, понизив голос. Еще никогда в жизни Хейли не испытывала такого бешенства по отношению к другому человеческому существу. – Я не допущу, чтобы ваши дурные манеры и отвратительное поведение заставили меня отказаться от любимой работы. Я намерена и дальше работать в «Серендипити» в своем нынешнем качестве. Если вам в голову придет мысль уволить меня или хотя бы еще раз прикоснуться ко мне, я стану кричать о ваших домогательствах на каждом углу, пока вас не потащат в суд. И не надейтесь на то, что вам все-таки удастся подчинить меня своей воле. Лучше сразу начните искать другую, более сговорчивую женщину.

Она резко развернулась, и ее острый каблук насквозь проткнул пушистый ковер на полу. Через секунду дверь кабинета с грохотом захлопнулась за ее спиной.

Нэнси с неподдельным интересом смотрела на Хейли, пулей вылетевшую в приемную.

– Что, плохи дела? – озабоченно поинтересовалась она.

Хейли проглотила проклятие в адрес Тайлера Скотта, которое было готово сорваться с губ, и холодно ответила:

– Все нет. Мы с мистером Скоттом прекрасно поняли друг друга. – И прежде чем Нэнси успела задать еще один вопрос, она вышла из приемной.

К тому времени, когда Хейли добралась до своего офиса, ее ступни горели – с такой силой она топала по раскаленному асфальту. Каждым шагом, сопровождаемым всеми известными ей проклятиями, она как бы припечатывала ненавистного Скотта – этого самонадеянного, наглого и гнусного типа.

Эта уверенность в том, что она не сможет противостоять его чарам, была просто смешна! Неужели он принимает ее за слабовольную бабенку, изголодавшуюся по сексу и готовую лечь под первого встречного мужика? Наверное, он взял Хейли на заметку, изучив ее личное дело и обратив внимание на ее возраст и семейное положение. Или предположил, что она – готовая на все старая дева, взять которую не представит труда?

Войдя в свой офис, Хейли велела помощнице поработать за нее еще немного и прошла в маленькую туалетную комнату, примыкавшую к ее кабинету. Глянув на свое отражение в зеркале, она встревожилась. Заметила ли. Шарлин эти растрепанные волосы, припухшие губы и горящие щеки?

Внешность Хейли всегда была безупречна, так что окружающие, должно быть, просто не могли не обратить внимания на ее взерошенный вид и коралловое пятнышко губной помады на щеке. Очевидно, во время поцелуя она попала на губы Тайлера, а оттуда – опять на лицо

Хейли. К счастью, под блейзером не было заметно, что блузка ее перекручена и выбилась из-под юбки.

Бормоча ругательства в свой адрес, Хейли торопливо умылась и заново наложила косметику, а затем, расчесав волосы, собрала их в пучок на затылке. Приведя себя таким образом в порядок, она дала себе слово выкинуть все случившееся из головы.

Это, однако, оказалось непросто. Шарлин немедленно заметила рассеянность начальницы.

– Эй, Хейли, у тебя все нормально? Я тебя уже третий раз окликаю, но ты будто не слышишь.

– Да, со мной все в порядке, – откликнулась Хейли. – Просто голова болит.

– Так что мне ему сказать?

– Кому?

– Директору колледжа из Ноксвилла, – устало ответила Шарлин. – Он спрашивает, можно ли устроить у нас вечеринку для их футбольной команды в связи с окончанием сезона.

– Да, конечно. Когда у них заканчивается сезон?

– Тридцатого октября.

– Так зачем ты меня дергаешь по этому поводу? Сама ведь знаешь, что мы закрываемся первого октября.

– Ну я просто подумала...

– Никаких исключений, Шарлин!

– Хорошо, так ему и передам, – надувшись, пробормотала помощница.

Хейли поняла, что незаслуженно обидела девушку, сорвав на ней свое плохое настроение, и поспешила загладить вину:

– Прости, Шарлин, – примирительным тоном проговорила она. – Дай мне его телефон, и я сама поговорю с ним. Извини мою грубость, такой уж сегодня выдался день.

– Да ладно, ничего. Это духота во всем виновата.

Однако Хейли знала, что причиной ее рассеянности и дурного настроения явилась вовсе не духота, а серые с дымкой глаза, затененные густыми ресницами. Они неотступно стояли перед ее внутренним взором, не позволяя сосредоточиться на работе. Да и не только глаза. Хейли до сих пор ощущала прикосновения ласковых ищущих губ, широкой крепкой груди, мужественная сила которой все еще наполняла ее тело дрожью.

До сегодняшнего дня Хейли встречала немного мужчин, которые бы всерьез интересовали ее, и уж точно ни один из них не занял в ее душе более или менее значимого места. А этот человек пытается проложить себе дорогу в ее жизнь и затем использовать ее. Что же в ней есть такое, что заставляет мужчин надеяться на легкую победу? Может, то, что Хейли легко попадает под чужое влияние? Или – слишком податлива? А может, она просто трусиха?

Ее всегда кто-то использовал. Родители – чтобы ставить в пример Элен. Элен – чтобы она выполняла за младшую сестру грязную работу и вытаскивала ее из всевозможных передраг. Друзья, которым она никогда не умела отказывать, даже за счет собственных лишений.

Жизнь то и дело доказывала Хейли, что люди – эгоистичны, расчетливы и никогда не откажутся воспользоваться слабостью и уступчивостью ближнего.

Однако нет худа без добра. Разочарования и ошибки стали для Хейли хорошей жизненной школой. Главное – она научилась быть независимой и оберегала это, – как собака – любимую кость. Она не намерена становиться чьей-либо вещью. Тем более – Тайлера Скотта.

Когда пробило восемь, Хейли сосредоточенно изучала отчет о том, сколько посетителей прошло за сегодняшний день через турникеты парка «Серендипити». Неожиданно она услышала, как кто-то окликает ее по имени, и, подняв голову, увидела за зеркальным стеклом окна

бегающую вокруг фонтана Фейт. Девочка запыхалась, лобик ее был усеян капельками пота, но на лице сияла широчайшая улыбка.

– Вот здорово, Хейли! – завопила она, остановившись у окна.

Хейли открыла окно, чтобы они с Фейт могли переговариваться, не напрягая голоса. Ей было приятно наблюдать радость, которой лучилась девочка.

– Здорово – что?

– Папа сказал, что ты сегодня ужинаешь с нами.

В тот же момент из-за водяной шапки фонтана показался сам Тайлер Скотт. Лицо его светилось самодовольством, пиджак был небрежно перекинут за спину и висел на указательном пальце. Несколько шагов – и он уже стоял возле окна, обнимая Фейт за плечи.

– Привет, – бросил он.

Хейли хотелось закричать. Хитрая улыбка на его лице выводила ее из себя больше, чем все те гнусности, которых она от него наслушалась. Женщина уже была готова выпалить какую-нибудь резкость, но тут взгляд ее упал на Фейт, глядевшую на нее с явным выжиданием.

Слова застряли в горле у Хейли. Какое свинство! Для достижения своих гнусных целей Тайлер не брезговал использовать даже ребенка! Однако Фейт была так невинна и искренна, что Хейли устыдилась: разве может она обмануть ожидания девочки!

– Как твоя «пчелиная» болячка? Не болит? – обратилась она к Фейт, начисто игнорируя Тайлера.

– Не-а. Папа купил в аптеке мазь, как ты сказала, и сегодня утром у меня вообще ничего не болело. А ты и вправду соображаешь!

– По крайней мере пчелу я перехитрила.

Фейт довольно хихикнула.

– Ну что, ты готова? Пойдем скорее. Впервые за эти несколько минут Хейли посмотрела на Тайлера и вдруг одарила его лучезарной улыбкой. Про себя она с удовлетворением отметила, что Тайлер был удивлен.

– Сейчас, – проговорила она, – подождите минуту. – И отошла от окна, чтобы взять сумочку и блейзер. Заодно она проинструктировала Шарлин, которая должна была оставаться «на хозяйстве» до закрытия парка в десять часов вечера. Напоследок Хейли еще раз посмотрелась в зеркало. При этом женщина попыталась уверить себя в том, что ей плевать, как она выглядит, и что она ни на кого – особенно на Тайлера Скотта! – не собирается производить впечатление.

Фейт нетерпеливо прыгала на одной ножке, а Тайлер невозмутимо стоял, поставив ногу на парковую скамейку. Он, похоже, не допускал и мысли о том, что Хейли может отказаться.

– Моя машина...

– Мы пройдемся до нее, а затем поедem следом за вами до вашего дома. И даже подождем, чтобы вы смогли переодеться, верно, Фейт?

– Ага! Я хочу посмотреть, где ты живешь, Хейли.

Черт! Он снова перехитрил ее и опять использовал для этого Фейт. Хейли как раз хотела поехать куда они там собирались на своей машине, чтобы потом на ней же вернуться домой. Тогда этот наглец не узнал бы, где она живет. Он, конечно, и так мог без труда вычислить адрес Хейли, заглянув в ее личное дело, но все же было обидно, что Скотт с такой легкостью увеличил счет в свою пользу.

– Я живу в двухэтажном домике на самой вершине горы, Фейт, – сказала Хейли, намеренно исключая Тайлера из их разговора. – Вторую половину дома я сдаю туристам. Во время горнолыжного сезона их тут пруд пруди.

– Разве это не опасно – пускать под свою крышу незнакомых людей? – спросил Тайлер, ненавязчиво взяв Хейли под руку, когда они подошли к перекрестку на служебной автостоянке.

– Я тщательно выбираю, кого пустить под свою крышу.

– Однако для женщины, которая живет одна...

– Я никогда не говорила, что живу одна.

Скотт остановился как вкопанный – так резко, что его пальцы впились в кожу ее предплечья.

– Но ведь вы живете одна, разве не так?

Выражение его лица заставило Хейли насторожиться. Его брови сошлись в одну линию, глаза превратились в льдинки, губы плотно сжались. В коротком поединке между независимостью Хейли и ее осторожностью победила последняя.

– Да, одна, – ответила она, но тут же тихим голосом, чтобы ее услышал только он, добавила:

– А вообще-то, черт побери, это не ваше дело, с кем я живу.

– Я собираюсь сделать «это дело» своим. Предупреждаю, Хейли, я – любовник очень жадный и эгоистичный. Делить вас я не буду ни с кем.

Женщина открыла было рот, чтобы разнести наглеца в пух и прах, но тут раздался тоненький голосок Фейт:

– Хейли, которая тут твоя машина?

Хейли тряхнула головой, будто пытаясь что-то понять. События развивались настолько быстро, что она уже не контролировала этот процесс. Ах, как ей хотелось высказать этому самоуверенному грубияну все, что она о нем думает, но подходящего момента для этого никак не представлялось.

– Э-э-э... Тот синий джип.

– Джип?! Вот это да! – завопила Фейт и кинулась к машине. – Можно я поеду с Хейли? Можно, папочка? Ну, пожалуйста!

– Ты должна спрашивать разрешения не у меня, а у Хейли.

Фейт обратила умоляющий взгляд на женщину, и та не смогла отказать.

– Конечно, можно. Только учти, каждый, кто едет в моей машине, обязан пристегнуться ремнем.

– Само собой. Папа тоже всегда заставляет меня пристегиваться.

Хейли открыла правую дверцу, чтобы сесть в машину. В этот момент Тайлер положил руку ей на плечо и сказал:

– Моя машина стоит вон там, – он кивнул в сторону. – Подожди меня у ворот. Я поеду за тобой.

Это была не просьба, а вежливый приказ, которым мужчина ясно дал понять: ей даже и думать нечего, чтобы уехать без него.

Наверное, желая смягчить резкость своих слов, Тайлер погладил Хейли по плечу, а в следующее мгновение нагнулся и запечатлел быстрый поцелуй на ее губах. Щеки женщины тут же вспыхнули. Она порадовалась, что Фейт была уже в машине и не видела этой сцены. По этой же причине Хейли не могла дать ему отпор – это только привлекло бы к ним внимание девочки.

Повернувшись, она взялась за ручку автомобильной дверцы, заметив боковым зрением, что Тайлер уже направляется к своей машине.

– Давай, откроем окна, а то здесь жарко, как в печке. Когда станет прохладнее, я включу кондиционер. Вообще-то в таких машинах обычно не устанавливают кондиционеры, но я избалована. – Хейли улыбнулась девочке, смотревшей на нее с обожанием.

– У тебя классная машина, но почему ты выбрала именно джип? – с неумным детским любопытством поинтересовалась Фейт.

Хейли засмеялась:

– Поймешь, когда будем подъезжать к моему дому.

Гетлинберг был маленький туристский городок, помешанный на сохранении своей самобытности. Именно по этой причине улицы тут не расширились и были вечно забиты транс-

портным потоком. Чтобы не застрять в пробке, Хейли не поехала по Паркуэй – основной магистрали, ведущей к выезду из города, – а выбрала улицу, тянущуюся вдоль быстрой речки Литл-Пиджин, затем свернула направо и очутилась на дороге, что вела в пэру. Лента дороги то и дело петляла, однако джип без труда справлялся с многочисленными крутыми поворотами. Хейли недовольно смотрела в зеркало заднего вида. Большой мощный «Линкольн», ехавший за ними от самых ворот парка, преодолевал сложности дороги с такой же легкостью.

Двухэтажный дом Хейли прилепился к крутому склону горы. Не успела Хейли остановить машину на узенькой подъездной дорожке, как Фейт уже выскочила из машины.

– Будь осторожна, – крикнула ей вслед женщина. Хейли даже не оглянулась, чтобы убедиться, что Тайлер здесь. Она не сомневалась в этом ни на секунду.

– Постараюсь, – отозвалась Фейт. – Вот это класс! А на каком этаже ты живешь?

– На втором.

– А на первом кто?

– Сейчас – никого.

Дом, казалось, состоял из одних углов, образованных причудливым сочетанием стеклянных и деревянных панелей.

Крыша была скошена, и один ее край выступал над крыльцом, образуя навес, который как бы парил в воздухе. Отсюда открывался живописный вид на Гетлинберг, угнездившийся в низине во многих милях отсюда.

Хейли отперла входную дверь, и Фейт без ложного стеснения первой ворвалась в дом. Женщина нагнулась, чтобы подобрать лежавшую у порога вечернюю газету, и тут послышался низкий мужской голос:

– Очень мило!

Резко выпрямившись и обернувшись, она оказалась лицом к лицу с Тайлером. Однако его реплика, как выяснилось, не относилась ни к дому, ни к открывавшемуся отсюда виду. Оказывается, он внимательно смотрел на Хейли, когда та нагибалась за газетой.

– Благодарю, – ответила женщина с едва сдерживаемой яростью.

– Вы меня ненавидите, не правда ли?

– Нет, скорее вы мне противны.

– Почему?

– Я полагала, что даже такой человек, как вы, постыдится использовать собственную дочь в качестве сводницы.

Оскорбление наконец достигло своей цели. Триумфальное, самодовольное выражение на лице Скотта словно тряпкой стерли, и на нем проступила ярость. Однако прежде чем он успел что-либо ответить, в дверном проеме появилась мордашка Фейт. Девочка поинтересовалась:

– Ну вы что, входите не собираетесь?

– Уже идем, – с притворной веселостью ответила Хейли, повернувшись так быстро, что ее юбка взвилась в воздух. – Чувствуйте себя как дома, мистер Скотт. В холодильнике вы с Фейт найдете холодную кока-колу.

– Я лучше пойду с тобой, – откликнулась девочка. Она уже успела побывать в спальне Хейли, и ей там страшно понравилось.

– Хорошо, поможешь мне выбрать наряд.

– Честно? – восторженно воскликнула Фейт и сломя голову кинулась в спальню. К тому времени, как туда вошла хозяйка дома, девочка уже рылась в ее шкафу. – Вот, – сказала она, протягивая Хейли открытое платье, на котором еще болтался магазинный ярлык.

– Ну, даже не знаю, – протянула женщина. Она купила это платье в начале лета, подавшись секундному порыву, и еще ни разу не надевала его. Во-первых, не было подходящего случая, а во-вторых, платье выставляло напоказ больше обнаженного тела, нежели к тому привыкла Хейли. Элен умоляла сестру подарить платье ей, однако Хейли с этим не торопилась.

Сознание того, что в ее шкафу висит подобное платье, дарило призрачную надежду на то, что, возможно, когда-то и в серой жизни Хейли может произойти что-нибудь необычное.

– Оно красивое, – сказала Фейт. «Шикарное» – было бы более подходящим словом для голубого джинсового платья с пышной юбкой, отделанной белоснежным шитьем. Лиф был выполнен в виде корсета и плотно облегал грудь и талию женщины. При этом казалось, что платье держится только за счет едва заметных бретелек на плечах. Надевать под такое платье бюстгальтер было немыслимо.

– Ну-у...

– Давай же, Хейли, надень его, – не отставала Фейт.

Хейли колебалась. Ей не хотелось огорчить девочку, да и глупо было в конце концов иметь платье и не носить его. Летний сезон заканчивался, и другого шанса щегольнуть обновкой могло уже не представиться, а к следующему лету платье могло выйти из моды. Что ж, она наденет это платье. Но уж никак не для того, чтобы порадовать мистера Скотта, а если он вобьет себе в голову какую-нибудь очередную глупость, то ему придется об этом пожалеть.

Пока Фейт продолжала без умолку щебетать, Хейли зашла в ванную и переделалась. Платье сидело на ней изумительно, облегая ее словно вторая кожа. Тщательно расчесав волосы, она воткнула в них декоративные гребешки.

Любопытство Фейт пересилило хорошие манеры, и она легонько постучала в дверь ванной.

– Можно войти?

– Конечно, – откликнулась Хейли. Девочка вошла и с восхищением принялась следить за тем, как Хейли накладывает косметику. Фейт была шумна, непоседлива и неутомима, однако во всем этом было очарование. Было очевидно, что Фейт хочет услышать мнение взрослой женщины о своей внешности. Ей явно не хватало материнской ласки.

При активном участии Фейт Хейли выбрала из своей коллекции обуви открытые сандалии без каблука, затем подушилась, брызнув чуть-чуть «Шанель» и на девочку. Та пришла в такой восторг, что Хейли даже растрогалась: как же мало нужно этому ребенку, чтобы почувствовать себя счастливой!

Фейт обожала отца – в этом не приходилось сомневаться. «Папа говорит...», «Папа думает...», «Папа», «папа», «папа» – с этих слов начиналась почти каждая ее фраза. Для Хейли было очевидно, что Фейт боготворит отца и для нее нет ничего дороже его одобрения.

Наконец Хейли была готова, и они с Фейт вышли в гостиную. Тайлер темным силуэтом стоял напротив квадрата окна и обернулся, заслышав их шаги. При взгляде на Хейли глаза его широко раскрылись, и женщина прочла в них неподдельное восхищение. Это было невольным признанием ее стараний. При этом ей пришлось подавить в себе острое желание хоть как-то прикрыть плечи и грудь.

– Мы готовы, – сказала она, и в голосе ее прозвучало волнение девочки, собравшейся на свое первое свидание.

– У тебя замечательный дом, – проговорил Тайлер.

Хейли обвела взглядом свое жилище, словно увидев его впервые. Одну стену занимал большой камин, сложенный из необработанного камня, вторую – зеркальные окна. Стулья и диван были обиты тканью нежных кремовых оттенков, а лежавшие на них подушки выполнены – для контраста – из ткани темного цвета. Дубовый паркет был устлан пушистыми коврами, две низкие арочные двери вели на кухню и в дальний конец комнаты, отгороженный от основного пространства гостиной и превращенный в столовую.

– Если тебе кажется красивой эта комната, взглянул бы ты на ее спальню! У нее на постели такой обалденный плед! Цвета персика, и такой мягкий! А ванная – просто отпад. Ты обязан увидеть все это, папочка!

Его взгляд метну лая к Хейли, и та, замерев, опустила глаза к полу.

– Когда-нибудь, может быть, увижу, – многозначительно проговорил Скотт. – Так куда, ты говоришь, мы поедем ужинать, Фейт? – Обращаясь к дочери, он тем не менее продолжал смотреть на Хейли.

– Ну, ты же знаешь. Там – классно! Здоровская пицца, лазанья, а в задней комнате – электронные игры.

Тайлер засмеялся и перевел взгляд на дочь.

– Малыш – настоящий фанат компьютерных игр, – сказал он Хейли. Она улыбнулась в ответ:

– Сегодня это можно сказать о любом ребенке.

– Ты не станешь возражать против ресторана с электронными играми?

– Нет, конечно. Я могу и сама попробовать в них поиграть.

– Классно! Тогда – поехали, а то у меня уже в животе от голода бурчит. – Для большей убедительности Фейт попыталась изобразить, как именно у нее бурчит в животе, и сделала это так потешно, что взрослые покатались со смеху.

Хейли заперла дверь. Они с Тайлером спустились по ступенькам и следом за Фейт направились к его автомобилю. На ходу он обнял Хейли за плечи, привлек ее к себе и негромко сказал:

– Наверное, мне следует подумать о том, чтобы сменить фасон служебной униформы для сотрудников «Серендипити». Ты сегодня выглядишь просто великолепно, Хейли!

Свежее, пахнущее мятой дыхание Скотта опалило ей щеку. У нее запершило в горле, и сдавленное «спасибо» прозвучало неестественно.

– Приятно, глядя на тебя, видеть много голой кожи и мало одежды.

Это бесстыдное замечание привело к тому, что смущение Хейли мгновенно испарилось и сменилось яростью. Она отстранилась от своего спутника и с горячностью проговорила:

– Вы не имеете права разговаривать со мной подобным образом!

Губы Тайлера раздвинулись в усмешке, и в темноте блеснули белые зубы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.